

Погляди філософа містять у собі ідеї, які здатні пояснити сучасні тенденції розвитку суспільно-політичного життя і можуть стати основою для розробки практичних рекомендацій у питанні гармонійного розвитку взаємовідносин між державною владою та громадянським суспільством. Темпи і результати трансформаційних процесів залежать від практичних висновків кожного з нас, які необхідно зробити вже сьогодні. Кожен правдивий українець, на підставі аналізу ідей мислителя, просто зобов'язаний виробити свою незламну визвольну парадигму, яка пізніше обов'язково дасть свої плоди.

Список використаних джерел

1. Гордієнко М. Концепція політичної еліти В. Липинського як фактор національно-державної ідентичності України // Нова політика. – 1998. – №2. – С.44–48.
2. Липинський та його доба: Книга перша. Наукове видання. Видання друге, доопрацьоване та доповнене / [упорядкув. Т. Осташко, Ю. Терешенко]. – К.: Темпора, 2010. – 560 с.
3. Липинський В. Листи до братів-хліборобів. Про організацію українського монархізму / В'ячеслав Липинський; редактор Я. Пеленський. – К.: Філадельфія, 1995. – 470 с.
4. Липинський В. Повне зібрання творів, архів, студії. – Т.1: Суспільно-політичні твори (1908–1917) / Ред. кол.: Я. Пеленський (гол. ред.), І. Гирич, О. Проценко, Г. Папакін, Г. Сварник, Т. Осташко, Східноєвропейський дослідний інститут ім. В. К. Липинського; Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАНУ. – К.: Український письменник, 2015. – 784 с.
5. Липинський В. Релігія і церква в історії України. – Київ: Рада, 1995. – 96 с.

References

1. Gordijenko M. Konceptija politychnoji elity V. Lypyns'kogo jak faktor nacional'no-derzhavnoji identychnosti Ukrainy // Nova polityka. – 1998. – №2. S.44–48.
2. Lypyns'kyj ta jogo doba: Knyga persha. Naukove vydannja. – Vydannja drugie, doopraco'ovane ta dopovnene / [Uporjadnyky T. Ostashko, Ju. Tereschenko]. – Kyjiv: Tempora, 2010. – 560 s.
3. Lypynskiy V. Lysty do brativ-khliborobiv. Pro orhanizatsiju ukrainskoho monarkhizmu / Vyacheslav Lypynskiy; redaktor Ya. Pelenskiy. – K.: Filadelfia. 1995. – 470 s.
4. Lypyns'kyj V. Povne zibrannja tvoriv, arhiv, studiji. – T.1: Suspil'no-politychni tvory (1908–1917) / Red. kol.: Ja. Pelens'kyj (gol. red.), I. Gyrych, O. Procenko, G. Papakin, G. Svarnyk, T. Ostashko. Shidnojevropejs'kyj doslidnyj instytut im. V. K. Lypyns'kogo; Instytut ukrajins'koho arheografiji ta dzhereloznavstva im. M. S. Grushevs'kogo NANU. – Kyjiv: Ukrajins'kyj pys'mennyk, 2015. – 784 s.
5. Lypyns'kyj V. Religija i cerkva v istoriji Ukrainy. – Kyjiv: Rada, 1995. – 96 s.

Grybovska M. V., Ph. D. Student, Department of History of Philosophy, Ivan Franko National University of Lviv (Ukraine, Lviv), maryana2409@ukr.net

Elite as a subject of state building in the doctrine developed by Vyacheslav Lypynskiy

In the article the philosophical views of Dmytro Dontsov and Vyacheslav Lypynskiy on the role and significance of the national leading stratum in the state-building processes are analyzed. The functions, tasks and measure of responsibility of the national elite in society are considered. Author investigates structure, main features and peculiarities, role of elite in the development of nation and state. The comparison of philosophers' ideas is done considering certain problems of Ukrainian elite. The role of the ruling political elite is extremely important in any country, and especially actualized in the making or transformation of a system. Therefore, the study of Lypynskiy's elite concept is relevant in Ukraine, young state, which is overcoming through a difficult period of reappraisal.

Keywords: aristocracy, state, elite, intelligentsia, people, nation, leading stratum.

УДК 130.2

Чернигова Т. Л.,
старший преподаватель, Национальный
фармацевтический университет (Украина, Харьков),
tatyanchernigova@yandex.ua

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ «НАТУРФИЛОСОФИИ» М. МЕТЕРЛИНКА

Философско-культурологической рефлексии подвергнуты философско-этические, религиозно-мистические и эстетические взгляды М. Метерлинка и основные принципы его творчества. Обосновано, что в сложной образно-символической системе Метерлинка доминирует диалектика эстетической категории «трагического» и рельефно проступает развёртывание категории «прекрасного» (но наиболее ярко – в «натурфилософских» трактатах, содержащих философско-антропологическую позицию мыслителя).

Анализ «натурфилософии» Мориса Метерлинка как способа осмысления философско-антропологических идей предстаёт интересной познавательной схемой, приложимой к сопоставлению природы и общества: это одновременно и философская, и социальная антропология; человек в своем социальном развитии повторяет путь, пройденный природой.

Ключевые слова: символизм, эволюция, душа, смерть, трагическое, молчание, прекрасное, Бог, любовь, мистическое, религиозность, судьба, мудрость.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Предметом исследования в данной статье является оригинальная философия М. Метерлинка. Цель исследования состоит в попытке философского осмысления любопытных сравнений живой природы и общества в работах этого мыслителя.

Книги «Жизнь пчёл», «Двойной сад» и «Разум цветов» (1901–1907), позже – «Жизнь термитов» (1926) и «Жизнь муравьёв» (1930) представляют собой замечательные образцы натурфилософской эссеистики, пронизанной гуманизмом и восхищением перед законами природы. В содержании этих книг превалирует прием антропосоциоморфизации природных явлений, вследствие чего эти эссе могут читаться как произведения социально-философской и философско-антропологической направленности.

Метерлинк отошёл от католической веры своего детства и сосредоточился на *необычном*, превратившемся в основную область интересов в исследовании мира. Необычны растения, в которых он наблюдает вселенский разум. Необычны пчёлы, муравьи, термиты, пауки, – каждому из этих видов Метерлинк посвящает отдельную работу. Он отмечает главную особенность растительного мира: некий разум, который в каждом отдельном виде может проявляться в зачаточном состоянии, но компенсируется общими усилиями в завоевании жизненного пространства, выживании и эволюции.

Метерлинк говорит здесь о взаимопроникновении «планов» бытия и человеческой жизни, раскрывает глубину жизни человека и природы, которая не нарушает законов Божьих, пока человек не вмешивается в жизнь природы. Жизнь обитателей природы гармонична, они трудятся ради будущего потомства, у них нет страха, они никогда не приходят в отчаяние, и в трудолюбии им нет равных; они кротки и смиренны, организованы и послушны Творцу во всём. Они как будто наделены всеми христианскими добродетелями – и потому прекрасны.

Работа М. Метерлинка о насекомых, «Жизнь пчёл» – отнюдь не научный труд; просто Метерлинк хотел представить свои собственные размышления о жизни

этих удивительных насекомых (в его квартире 20 лет стоял улей!).

Метерлинк отмечает работоспособность пчёл и говорит, что пчёлы начинают свой рабочий день «при ослепительном свете дня, но завершают его только во мраке» [2, с. 179]. Согласно Метерлинку, человек становится Богом для пчёл, но это происходит только в том случае, если воля человека «согласуется с их добродетелями и их законами, потому что несмотря на желания неожиданного бога, завладевшего ими, – слишком крупного, чтобы быть постигнутым, и слишком чуждого, чтобы быть понятным, – их взоры устремлены дальше, чем взоры самого этого бога, и они стремятся только к тому, чтобы в непоколебимом самоотречении выполнить таинственное предназначение своей расы» [2, с. 181].

Философ проводит параллель между жизнью человека и жизнью природы: он говорит, что человек не всегда подчиняется законам природы, а самая важная задача нравственности человека – именно подчиняться этим законам, чтобы понять прав он или нет. Л. Зеринг пишет, что в эссе «Жизнь пчёл» речь идёт о государстве пчёл и законах его организации; гегелевское стремление Метерлинка проникнуть в глубь вещей уводит Метерлинка от исследования людей, с их сложной деятельностью: «изучая разум пчёл, мы, в сущности, ищем в них лишь лучшего, что есть в нас самих» [3, с. 35]. – Можно сказать, что Метерлинк превращает антропосоциоморфизацию из приема объяснения природы («подобно человеку и обществу») в объяснительную схему применительно к самому человеку: если бы человеческая мораль обеспечивала подчинение законам природы, человек имел бы более справедливое общественное устройство, был бы не только счастливее, но и ближе к Богу. Попытаемся найти указания на это в тексте самого Метерлинка.

Глядя на крошечных пчёл, вряд ли можно точно разглядеть их жизнь, в которой добродетели и зло указывают на то, что они подчиняются Богу, которому не всегда подчиняемся мы. Жизнь же пчёл наглядно показывает, с каким самоотречением они отдают «своему» Богу – человеку. Можем ли мы так? Люди, живущие не по Божьим законам, по мысли Метерлинка, живут без цели.

Можно ли сравнить разум человека и разум пчёл? Философ считает, что человеческий разум можно сравнить с инстинктом животного, а пчёлы обладают не только удивительным инстинктом, но разумом, «который имеет право приблизиться к разуму человека» [2, с. 330]. Более того, он отмечает у пчёл и подобное человеческому *чувство долга*: «Пчёлы не знают, будут ли питаться мёдом, который они собирают. Мы, равным образом, не знаем, кто воспользуется умственным могуществом, которое мы проводим в мир» [2, с. 359]. У пчелы нет страха перед смертью и нет такого состояния, когда можно отказаться от поиска истины.

Метерлинк называет пчёл, подчиняющихся законам природы, *кроткими* и *смирненными*. Там, где пчёлы обладают всеми добродетелями (подобно праведникам – у людей), они собирают богатый урожай мёда, и жизнь их не прекращается: одно поколение передаёт жизнь другому поколению. Но там, где в улье кипят страсти и после сбора урожая уничтожают самцов, где пчёлы

предаются гневу, раздражительности, злобе и ненависти друг к другу, в таком улье, как и в доме грешного человека, нет покоя и истинного наслаждения жизнью. Называя человека Богом – для пчёл, Метерлинк, тем не менее, считает, что не только для индивида отдельная пчела может быть примером (добродетели), но и что жизнь отдельного улья для человека – пример создания универсального общества.

В жизни пчёл Метерлинк отмечает следующие основные моменты: пчела ведёт духовную жизнь и обладает многими добродетелями: бескорыстной работоспособностью (человеческое суждение о неподвижности и бездействии пчелы ошибочно); в улье – гармоничное распределение труда; пчела наделена целомудрием, кротостью и смирением в отличие от шмелей, для которых любовь – главное. У пчёл развито чувство долга, их жизнь имеет смысл только в обществе: самопожертвование ради интересов общества. Пчелам присуща любовь к ближнему; борьба с пороками; внутреннее молчание – ничто не может нарушить покоя пчелы во внешнем мире; чистоплотность; воздержание ради архитектурного, экономического, политического устройства улья; доброта, когда улей полон; прозорливость, но доверчивость; мудрость. Пчела подчиняется законам, данным Творцом. – Действительно, если бы человек обладал всеми теми *добродетелями*, которыми обладает пчела, и жил по заповедям Божьим, его жизнь имела бы смысл, и он был бы счастлив.

А. Чадаева пишет, что Метерлинк в своих эссе о природе хотел показать сходство людей с растениями и насекомыми в жажде жизни, но, в отличие от людей, среди которых порок и добродетель состязаются на жизнь или на смерть, жизнь растительного мира иная, ибо мир природы – «единственный на земле, не поражённый грехом со времён его сотворения и донныне» [4, с. 5]. Жизнь этого мира – прекрасна. В дереве или в цветке «не замутнён Божественный Первозамысел», и Метерлинк из старомодных цветов только лилию возводит на царский трон, видя вокруг неё «пояс чистоты, молчания и света», видит ореол святости библейской, о какой говорил Господь в Нагорной проповеди, произнесенной в апреле – мае, когда земля Галилеи изобилует цветущими лилиями, которые лучше одежд Соломона [там же, с. 6]. Чадаева видит в Метерлинке преимущественно христианского мыслителя, славящего Творца, и мы принимаем правомерность такой оценки.

И здесь мы можем сделать вывод: гуманизм, как неотъемлемая составляющая ценностного сознания в культуре Европы, начиная с эпохи Возрождения, к началу XX века претерпел существенные изменения. Парадоксальное рождение гуманистических ценностей путем отрицания религиозной (католической) духовности, т.е. ренессансный гуманизм – это попытка объяснить человека «из самого человека», без ссылок на трансцендентный источник правил и установлений его бытия. Гуманизм Возрождения – это предтеча буржуазного индивидуализма, собственно, это и есть *индивидуализм*, но ориентированный на достижение и раскрытие в человеке его всех «естественных» потенциалов. Просвещенческая форма гуманизма, нашедшего свое окончательное выражение в немецкой

философской классике, сделала вывод о том, что человек, как чувствующее и мыслящее существо, неизбежно обуславливает собою всё, что может являться ему как действительность, некоей очевидностью. Успехи «позитивных наук» к концу XIX века подтверждали эту «очевидность».

В 1926 году Метерлинка написал эссе «Жизнь термитов». В трудах о жизни насекомых Метерлинка опирался на работы энтомологов, объективно и хладнокровно излагавших свои наблюдения. Здесь Метерлинка остановил выбор на рассказах Дэвида Ливингстона, который был добросовестным учёным-натуралистом. Сравнивая жизнь пчёл и термитов, Метерлинка говорит, что и в улье есть свои беды, но *жизнь термитов*, их самопожертвование делают их ближе к нам, чем даже пчёл или любых других существ на Земле. В народе термитов называют «белыми муравьями». Несмотря на свои недостатки, на свой непривлекательный внешний вид, термиты, по Метерлинку, – самая интересная, сложная, разумная и логичная цивилизация на Земле. Несмотря на то, что термиту трудно выживать в условиях, где он обитает, он обладает инстинктом, как человек – разумом.

Метерлинка отмечает главную особенность жизни пчёл, муравьёв и термитов: это – коллективная душа и, как следствие, бессмертие, или бесконечная коллективная деятельность. Это как бы единая особь, одно живое существо, органы которого состоят из бесчисленных клеток, разбросанных по всему виду, подчинены одной личности, одному основному закону, практически бессмертному: одни насекомые сменяют других, и этот процесс не поражает эту единую особь. Метерлинка говорит, что это как бы один и тот же термит, живущий миллионы лет, он похож на никогда не умирающего человека, у него единая память коллективной души. Метерлинка, сравнивая жизнь человека с жизнью этих насекомых, говорит, что термиты предлагают нам образец общественной организации. Пустяк иногда способен изменить мораль и судьбу человечества. «Не зиждется ли колоссальное обновление христианства на кончике иглы?» [4, с. 9]. Он считает, люди найдут «полное и прочное счастье лишь в целиком духовной жизни, по эту или по ту сторону могилы, поскольку всё, что цепляется за материю, в сущности, ненадёжно, изменчиво и тленно. Возможна ли такая жизнь? Теоретически да, но на деле мы видим повсюду одну материю; всё, что мы воспринимаем, это материя, да и как можно надеяться на то, что наш мозг, который сам – лишь материя, сможет понять что-либо, помимо неё? Он старается, прилагает все усилия, но, по сути, как только её покидает, то повисает в пустоте» [4, с. 10]. – Эта позиция «позднего» Метерлинка уже достаточно далека от классического идеализма, что подтверждает отсутствие в ней философской последовательности, что, впрочем, не исключает постоянства в его этико-эстетических взглядах: Метерлинка *всегда* – гуманист и символист.

Метерлинка убеждён, что муравей – самое благодарное, милосердное, щедрое и альтруистичное существо на земле. Как и в человеческом обществе, у муравьёв есть «правительство», но оно превосходит то,

которое создали люди. В социальном мире муравьёв царит мир и братство.

Метерлинка, проводя параллель между жизнью муравейника и жизнью общества, не сомневается, что «больше добрых самаритян пробегает по тропкам муравейника, чем проходит по дороге между Иерусалимом и Иерихоном», предполагая наличие более развитого религиозного чувства у муравья, нежели у человека [цит. по: 5, с. 173]. По этому поводу М. Ласки пишет: «Вот где, оказывается, утопия для человечества, перспектива счастливой жизни «во всём и для всех» [там же]. Но, действительно, в Библии говорится: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою. [Или пойдти к пчеле и познай, как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит; её труды употребляют во здравие и цари и простолудины; любима же она всеми и славна; хотя силою она слаба, но мудростью почтенна.] Доколе ты, ленивец, будешь спать? Когда ты встанешь от сна твоего?...» [1, Притч, 6, 6].

Выводы. В многочисленных трактатах и эссе Метерлинка постоянно сравнивает два мира – человека и природу, чтобы всякий раз на основе новых умозаключений вновь вернуться к вопросам этики и нравственности. В основу интерпретации *темы жизни* у Метерлинка положена категория *прекрасного*, включающая и этический момент. В работах «Жизнь пчёл», «Жизнь термитов» и «Жизнь муравьёв» мы увидели иную философию жизни у Метерлинка, философию глубокой жизни души: стремление освободиться от оков греховности, сделать душу чистой, готовой достойно предстать перед Творцом и дать отчёт о проделанной работе на земле.

Метерлинка отмечает, что обитатели природы подчиняются законам, данным Творцом в той же степени, что и человек. У них нет страха перед смертью. Жизнь отдельного улья или термитника – пример для создания универсального общества. Антропосоциоморфизация у Метерлинка – не художественный приём или способ осмысления явлений/существ природного мира, а познавательная схема, приложимая к сфере человеческой морали. Поэтому размышления Метерлинка-философа о жизни природы – это одновременно и философская, и социальная антропология: человек, по его мнению, повторяет путь, пройденный природой. Анализ «натурфилософии» Метерлинка как способа осмысления социально-философских и философско-антропологических идей позволяет сделать вывод: Метерлинка в своих произведениях переживает о том, что окружающая нас среда, как идеальный образ универсального общества, разрушается человеком и гибнет вместе с человеком. Лишь возвращение человека в «зону действия» высших универсальных законов (которым подчиняется «остальная» природа) может стать основой приближения человека к разгадке Тайны бытия.

Натурфилософские трактаты Метерлинка не были в достаточной степени оценены его современниками именно потому, что по своим философско-этическим воззрениям они опережали свое время и более созвучны дискуссиям дня сегодняшнего.

Список использованных источников

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – М.: РБО, 2002. – 1337 с.
2. Метерлинк Морис. Жизнь термитов; Жизнь пчёл / Морис Метерлинк; [пер. фр. Н. Минский, В. Нугатов]. – М.: ЭКСМО – Пресс, 2002. – 399 с. – (Антология мудрости).
3. Зеринг Л. Метерлинк как философ и поэт / Л. Зеринг; [пер. с нем. М. Кадыш]. – М.: Современные проблемы, 1908. – 139 с.
4. Метерлинк Морис. Полное собрание сочинений: в 6 т. / Морис Метерлинк; [пер. А. Кайранского, В. Ореховой; 2-е изд.]. – М.: Изд. В. М. Саблина, 1903–1911. Т.4: Сокровенный храм. Жизнь пчёл. – 1910. – 359 с.
5. Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит. / [сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой]. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.
6. Чадаева А. «Эдемская память» [Электронный ресурс] / А. Чадаева // Культура. Цветы в стиле модерн. – Режим доступа: <http://www.istina.religare.ru/material1287/html/>. («Ииж» №5/05, 4/06).

References

1. Bibliya. Knigi svyashchennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta. – M.: RBO, 2002. – 1337 s.
2. Maeterlinck M. Zhizn termitov. Zhizn pchyl. / Maeterlinck Moris. – M.: EKSMO–Press, 2002. – 399 s.
3. Zering L. Maeterlinck kak filosof i poet / L. Zering. – M.: Sovremennye problem, 1908. – 139 s.
4. Maeterlinck Moris. Polnoye sobraniye sochineniy: v 6 t. / Maeterlinck Moris. – M.: Izd. V. M. Sablina, 1903–1911. T.4: Sokrovenny hram. – 1910. – 359 s.
5. Utopiya i utopscheskoye myshlenie: antologiya zarub. lit. – M.: Progress, 1991. – 405 s.
6. Chadayeva A. «Edemskaya pamyat» [Elektronny resurs] / A. Chadayeva // Kultura. Cvety v stile modern. // <http://www.istina.religare.ru/material1287/html/>. («Ииж» №5/05, 4/06).

Chernigova T. L., National Farmaceutiv University (Ukraine, Kharkiv), tatyanchernigova@yandex.ua

Anthropological senses of «natural philosophy» of M. Maeterlinck

The author shows that the logic of Maeterlinck's life philosophy can be clearly seen in his general evolution of a playwright and philosopher: he moves from defining the inner tragedy and mystic basis of the being to ethic conclusions, to the preaching of the mystic moral when the tragedy of a destiny is came over the wisdom that is put in a man and is perfected endlessly.

The analysis of Maeterlinck's «natural philosophy» as a way to comprehend philosophical–anthropological ideas is a cognitive scheme that can be applied to the comparison of the nature and society: it is the philosophical and social anthropology at the same time; a man follows the way of the nature. There are Christian senses in many Maeterlinck's works: features of the famous characters of The Holy Scriptures are guessed in heroes of his plays, biblical allegories are symbolically represented in the plots of his works.

Keywords: symbolism, evolution, the tragic, the mystical, death, silence, soul, love, the beautiful, the religious, fate, wisdom, God.

Чернігова Т. Л., старший викладач, Національний фармацевтичний університет (Україна, Харків), tatyanchernigova@yandex.ua

Антропологічні смисли «натурфілософії» М. Метерлінка

Показано, що у цілому в еволюції Метерлінка, драматурга і філософа, явно проступає логіка його життєвої філософії: він йде від визначення внутрішнього трагізму і містичної основи буття до етичних висновків, до проповіді містичної моралі, коли трагізм долі долається вкладеною в людину мудрістю, що нескінченно вдосконалюється.

Здійснено філософсько–культурологічний аналіз засад творчості Метерлінка, в еволюції яких, виражаючи еволюційний розвиток духовного світу митця, провідною тенденцією було посилення значущості оптимістично–моральної компоненти, з одного боку, й «нароцування» (або вивільнення) аксіологічного потенціалу його прихованої релігійності, – з іншого. Обґрунтовано, що у складній образно–символічній системі Метерлінка домінує діалектика естетичної категорії «трагічного» і рельєфно розгортається категорія «прекрасного» (але найбільш яскраво – у «натурфілософських» трактатах, в яких подано філософсько–антропологічну позицію мистителя).

Ключові слова: символізм, еволюція, душа, смерть, трагічне, мовчання, прекрасне, Бог, любов, містичне, релігійність, доля, мудрість.

* * *

УДК 18:165.1

Пасічник І. Я., кандидат філософських наук, асистент кафедри теорії та історії культури, Львівський національний університет ім. Івана Франка (Україна, Львів), pasitschnyk@gmail.com

ЕСТЕТИКА ЯК «GNOSEOLOGIA INFERIOR»: ПРОБЛЕМА ЗДАТНОСТІ ПІЗНАННЯ У ВОЛЬФА ТА БАУМГАРТЕНА

Висвітлюється проблема естетики як теорії пізнання, йдеться про первісний проект естетики Баумгартена. Баумгартенова естетика задумувалася як наука про чуттєве пізнання й не є редукованою до теорії краси та мистецтва. Естетика постала як переосмислення Вольфової теорії нижчої та вищої частин здатності пізнання. Баумгартен розглядає чуттєву здатність пізнання як рівнозначну з інтелектуальною, а не підпорядковану їй. Йдеться про два способи сприйняття, кожний з яких має свою особливість й не може бути замінений іншим. Тому Баумгартен говорить про нижчу і вищу здатності – а не про нижчу і вищу частини здатності – людського пізнання. Первісний проект естетики був задуманий як довершення здатності людського пізнання загалом. Логіка як наука до вдосконалення інтелектуального пізнання мала бути доповненою естетикою як наукою про вдосконалення чуттєвого пізнання. Й у цьому сенсі естетику Баумгартен називав також *gnoseologia inferior*.

Ключові слова: Александер Готліб Баумгартен, Крістіан Вольф, естетика, теорія пізнання, чуттєве пізнання, екстенсивна ясність, інтенсивна ясність.

1. Вступ: Aesthetica ex theoria cognitionis

Естетику зазвичай розглядають як дисципліну, яка займається проблемами краси та мистецтва. Тому вираз *естетично* використовують переважно у якості синоніма до *красиво* чи *мистецько*. Проте поняття *естетика* первісно не було призначенням для позначення ані теорії краси, ані теорії мистецтва. Естетика постала в середині 18 ст. через Александра Готліба Баумгартена (1714–1762) й означала передусім науку про чуттєве пізнання. Особливо вдало ця теза висловлена Гансом Адлером: «те, що підсумовується під іменем «естетики», в середині 18 ст. жодним чином не є редукованим до «вчення про мистецтво» чи «вчення про красу». Естетика є вчення вченням про *aistheta*, не більше, але передусім не менше» [1, s. 25] (пор. також у Петри Бар [2, s. 12], Ебергарда Орландта [13, s. 259], Клеменса Швайгера [15, s. 44]). Власне, вже саме слово *естетика* свідчить про те, що його вигадали саме для позначення вчення, яке спрямоване на чуття: слово *aesthetica* утворене від грецьких *αἰσθητικὴ* і *αἴσθησις*, які в даному разі співвідносились із латинськими *sentio* і *sensus* (пор. у Сольмса [18, s. 98]). Традиційне тлумачення естетики як науки про красу та мистецтво значною мірою отримало свій поштовх від Георга Фрідріха Маєра (1718–1777), який інтерпретував Баумгартенову естетику як теорію красивих наук та мистецтв. Й у своєму подальшому розвитку поняття естетики набуло стількох значень, як, можливо, жодне інше. Це призвело до того, що сьогодні основна проблема естетики полягає в ідентифікації її предмета. Як наслідок на перший план вийшло питання про те, якою естетика була задумана первісно. Інтерес до автентичного проекту Баумгартенової естетики (зокрема його концепції естетичного та логічного пізнання) посилюється в кінці 20 ст., а особливо на початку 21 ст. Намагання актуалізувати цей проект вилилося поміж іншого в ряд інтерпретацій естетики як вчення про *чуттєвість* (найбільш оригінальні інтерпретації належать Гансу Рудольфу Швайцеру [16; 17], Вольфгангу Вельшу [19; 20; 21], Герноту Бьоме [7], Штефену В. Гросу [9; 10]). Й першою необхідною